

С. МАТУЛЯВИЧЕНЕ
(Вильнюс)

ИЗ ИСТОРИИ ПРАЗДНИКА РОСЫ

Темой для данной статьи послужила одна из важных культурных инициатив в Литве конца 60-х гг. XX в. — возрождение традиции празднования летнего солнцестояния, сведения о которой сохранились только в старых письменных источниках и в этнографических описаниях.

Как возникла идея возродить этот праздник в древней столице Литвы — Кернаве, какое значение придавалось ему? Об этом можно узнать из воспоминаний организаторов и участников. Хотя текстов, описывающих первые впечатления от праздника Росы, почти не существует¹, осталось немало фотографий. Так, почти вся его история от 1967 г. до сегодняшнего дня отражена в недавно изданном фотоальбоме «Тайна самой короткой ночи» [Daraškevičius 2007, 224].

Чтобы понять, что было нового в возрождении праздника Росы, следует кратко остановиться на том, как развивалась литовская традиция празднования летнего солнцестояния до 70-х гг. XX в., когда живой традиции уже почти не было. Первые письменные источники, упоминающие об обычаях середины лета и чаще всего их осуждающие, относятся к XIII—XV вв. По словам этнографа А. Вишняускайте, имеются сведения, что в XVI в. этот праздник еще отмечался на всей территории балтов. В словарях XVII в. упоминаются день Ивана Купалы (Йонинес) и купальские обряды, купальский цветок... Праздник летнего солнцестояния был назван именем Росы только в XIX столетии в первых исследованиях по литовской мифологии романтического характера, а также в нескольких песнях, записанных в конце того периода².

В первой половине XX в. Йонинес как традиционный праздник деревен-

¹ Скромное и краткое описание третьего праздника Росы в 1967 г. появилось в издании «Kraštotyra» в 1968 г. [Indronis 1969].

² В текстах Т. Нарбутта, С. Даукантаса, М. Валанчюса, в сборниках песен Антанаса и Йонаса Юшки.

ской общины уже стал исчезать. Вскоре он стал отмечаться как именины, наряду с Юозинес, Антанинес, Петринес, Онинес и другими более популярными именами. Поэтому и в 1960—1970-х гг. утро Йонинес отмечали венками на дверях именинников. По-видимому, в христианской деревенской традиции дольше сохранился праздник Троицы, перенявший (или сохранивший) и часть обрядности праздника середины лета. Именно о важности Троицы в живой традиции XX в. свидетельствует и литовский фольклор — сохранился богатый репертуар песен троицкого цикла и всего несколько типов песен, относящихся к Йонинес.

С конца XIX в. в западной Литве и на горе Рамбинас праздник Йонинес уже праздновался «по-модернистски» — в дни летнего солнцестояния здесь проходили культурные встречи литовцев Малой Литвы: выступали хоры, проводились представления и «сжигание» ведьм, напоминающие древние праздничные обычаи, участники стреляли «пестрым огнем», пускали по реке венки, прыгали через костер и т. д.

Интересно, что уже в 1961 г. именно в этих местах во время Йонинес устраивали интернациональные праздники советской молодежи [Rambynas 1989]. В советское время по-своему акцентировались дохристианские аспекты древних праздников, поэтому именно во время Йонинес организовывались и официальные массовые мероприятия самодеятельности. Описания праздников летнего солнцестояния в колхозах начала 1970-х гг. сохранились в периодике тех лет, например: «На вершине холма был сложен огромный костер. Играл оркестр, кружились пары. Вдруг зазвучали звуки горнов. Все поспешили к жертвеннику. Появился Жрец в сопровождении Весталок. Он поздравил всех собравшихся с Днем советской молодежи, а Йонасов и Янин — с Йонинес. Пожал руку почтальону колхоза Янине <...> и вручил ей комсомольский билет» [Ramanauskaite 2009].

Возрожденный праздник Росы от таких бутафорских пародий отличался кардинально. По сути, он был частью широкого краеведческого движения, возникшего в Литве в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. и имеющего различные формы организованной культурной

деятельности литовцев. Одной из них стали комплексные краеведческие экспедиции, инициированные Норбертом Велюсом и организуемые совместно с Содружеством охраны памятников и краеведения Литовской ССР. Другими формами были фольклорные и этнографические ансамбли, активно действовавшие туристические клубы, члены которых путешествовали в места, связанные с исторической памятью народа. Последние, чтобы отличаться от принятого в советское время понятия «туризм», стали называться «походными». Участники экспедиции посещали разные уголки Литвы и приводили в порядок объекты исторического и культурного наследия.

Важной предпосылкой появления литовского краеведческого движения в целом и организации праздников Росы в Кернаве в частности было создание 18 февраля 1967 г. в Вильнюсском университете «Общества друзей Индии» как подразделения официального Общества культурных связей с зарубежными странами. Кратко перечислю лишь несколько его инициатив: в 1968 г. отмечалось столетие со дня рождения Видунаса, теософа, драматурга, культурного деятеля Малой Литвы; тогда же в Вильнюсском университете состоялась первая публичная лекция о балтийских богах археолога и мифолога, известного литовского ученого в эмиграции Марии Гимбутене; в 1969 г. отмечалось столетие со дня рождения Ганди. Углубление

в восточные духовные традиции становится важным импульсом для дальнейшей деятельности, но очень быстро обнаруживается потенциал самой литовской этнической культуры. И именно под эгидой «Общества друзей Индии» в 1967—1969 г. прошли три первых праздника Росы.

Фактически «Общество друзей Индии» стало предтечей общества краеведов Вильнюса «Рамува», официально созданного 31 января 1969 г., хотя настоящей датой его появления создатели все-таки считают первый праздник Росы в 1967 г. «Рамува» выдвинула цель изучать и охранять литовскую этническую культуру, искать в ней формы духовной жизни, альтернативные угнетающей и абсурдной советской действительности того времени. В обществе ежемесячно проходили встречи с лекторами, поддерживавшими культурное национальное самосознание того времени, — учеными и деятелями искусства (Мяйле Лукшене, Донатасом Саукой, Норбертасом Велюсом, Зитой Жемайтите и др.), устраивались концерты деревенских певцов и народных музыкантов. Под эгидой общества издавался ротاپринтный ежемесячный информационно-просветительский бюллетень «Рамува» (были подготовлены четыре номера, издать удалось только три).

Авторы всех этих инициатив — группа друзей-филологов, недавно окончивших университет: Йонас Тринкунас, в то время аспирант кафедры истории

Праздник Росы в Кернаве, 1977 г. Фото В. Дарашкявичюса

Праздник Росы в Кернаве, 1970 г. Фото В. Дарашкявичюса

философии и атеизма Вильнюсского университета; Вацис Багдонавичюс, сотрудник отдела аспирантуры Вильнюсского университета; Антанас Гудялис, работавший в Министерстве культуры; Алфонсас Андриюшкявичюс, сотрудник Общества охраны памятников и краеведения и др.

Усилия по возрождению праздника Росы в течение первых трех лет (1967—1969) не вызвали большого беспокойства у властей. Нейтральность подготовленных организаторами и, к сожалению, не сохранившихся научных сценариев праздника, небольшая популярность его названия в живой традиции, официальные, хотя и незначительные посты организаторов и недостаток «бдительности» местных властей создали историческую возможность для возвращения праздника летнего солнцестояния.

Ход праздника Росы в Кернаве был реконструирован на основе этнографических источников и фольклора, а также, по-видимому, на основании внутренней уверенности его организаторов, что особое время, особое место, песни, простые обряды (собрание цветов, зажигание жертвенника, проводы и встреча солнца, воспевание дуба, ржаного поля, зажигание ночных огней, пускание по реке венков) станут опытом, связывающим, объединяющим малознакомых людей. По словам основного *spiritus movens* праздника Йонаса Тринкунаса, «<...> это особенный праздник, кульминация солнца, особое цветение трав. Мы начали читать всю этнографическую литературу — есть этот материал, и началось формирование сценария, когда какие огни зажи-

гать и как. Конечно, пришлось и самим что-то додумать, не было так, чтобы все только из этнографических источников бралось. Жертвенник, конечно, мы поставили, таких этнографических данных нет. У этого жертвенника должны были читаться молитвы. Они тоже были собраны — фрагменты из народных песен, потом из поэтов — примерно то, что соответствовало... Но поскольку мы согласовывали это с разными властями, то должны были написать очень научный сценарий, который был бы обоснован всяческими аргументами»³. Чтобы предлагаемые научные сценарии праздника не вызывали у районных властей никаких сомнений, перед этим организаторы старались получить подписи заместителя Министра культуры Литовской ССР, «благословляющую» план мероприятия⁴.

Выбор места для праздника в Кернаве, древней столице Литвы, действительно был официально согласован с районной властью. Он, кажется, не вызвал большого подозрения. Может быть потому, что в Кернаве у подножья холмов проходили и публичные районные праздники самодеятельности — концерты хоров, ансамблей народной песни. Первые три праздника даже были «поддержаны» районными властями: дав официальное разреше-

³ Цитируя фрагменты рассказов, здесь и дальше автор опирается на публикацию [Rasos Kernavėje 2007], в которой представлены воспоминания участников первых праздников Росы, записанные автором, а также и личный архив автора.

⁴ Из разговора с А. Андриюшкявичюсом (8 июня 2007 г.).

ние на проведение праздника, они побеспокоились и о дровах для праздничного костра.

На первый праздник собрались по большей части члены «Общества друзей Индии». Трудно назвать точное число участников, но на немногочисленных фотографиях 1967 г. видно несколько десятков человек. Участники вспоминают, что идею праздника поддержал Ричардас Миронас — специалист по санскриту еще довоенного времени, знаток индийской культуры, в то же время партсекретарь филологического факультета Вильнюсского университета и официальный председатель «Общества друзей Индии». В последующие годы круг участников расширялся, появились первые публичные объявления, приглашения, а в 1969 г. о празднике Росы уже заявлял плакат впечатляющей величины: «Праздник Росы в Кернаве. Купальские обряды. Проводы заходящего солнца. Шествия с факелами. Костры. Хороводы. Песни. Встреча солнца. Начало в 20 часов. 20 июня».

Песен на празднике было много — молитвы к солнцу и огню. При сжигании зелени произносились просьбы, пожелания. Вероника Повиленене вспоминает: «Очень мне нравилось, что люди искренне просили, чего кому было нужно — не было помпы»⁵. Читались отрывки из драматической трилогии Видунаса «Вечный огонь». Были публичные выступления, чтения поэзии, но никто сейчас уже не помнит их содержания, кто и что говорил или читал.

В 1984 г. в самиздате в подпольном издании «Ethos» появилось оригинальное исследование одного из участников праздника «Роса: балтийские календарные праздники как ось индоевропейского мировоззрения», в котором автор пытался раскрыть суть этого праздника и смысл названия. Летнее солнцестояние он назвал основным моментом года, обозначающим трансформацию и времени, и жизни человека [Patackas 2007]. Во времена национального возрождения организаторы первых праздников Росы оценивали свой опыт похожим образом, выделяя особенно важные в то время акценты пробуждения и усилении национального самосознания: «Роса стала своеобразным символом со-

противления и национального движения в 70—80-е гг.» (А. Гудялис). «Казалось, что с жаром костра Росы в нас и в молодые поколения, следующие по нашим стопам, проникли и сила внутреннего сопротивления Ганди, и ясность духа Видунаса, и особое ощущение непобедимости, внутренней твердости» (В. Багдонавичюс). «Праздник Росы, поддерживающий и укрепляющий наше национальное самосознание в течение долгих лет отсутствия духовной жизни, был и предвестником всех наших современных неформальных движений» (Б. Бураускайте) [Ramuva 1998, 40]

Сегодня организаторы и участники, вспоминая этот праздник, делятся более личными впечатлениями. Смотри из наших дней на первые праздники Росы, их участники всегда акцентируют интенсивность переживаний того времени, духовную отдушину, ощущавшуюся во время праздника, переживание единства с природой и землей, говорят о сакральном содержании этого опыта или тайных усилиях по возрождению древней религии балтов. Попытки возвращения этнической традиции, реконструкция ее обрядовых составляющих и попытка самостоятельно их повторить дали участникам праздника возможность снова войти в реку, кажется, давно уже убежавшего времени: «Мне кажется, что там нам удалось нащупать какую-то жилу прошлого — удалось как-то воссоздать настоящий праздник, он таким и был. И что-то открылось... Сначала мы и не поняли — сценарий воссоздали, но не очень поняли, зачем это нужно. Только через некоторое время выяснилось, что все имеет смысл <...>. Нам каким-то образом удалось вернуться в тот *sacrum*. Сам не знаю, каким образом мы почувствовали эту своеобразную святость <...>. Одно могу сказать — рассуждения тут не очень помогают. Это было очень аутентично, очень по-настоящему, очень живо. Тот, кто это почувствовал — уже человек Росы, а если не почувствовал — объяснить невозможно. А там все обязательно чувствовали» (А. Патацкас) [Pogindis virtęs pastoge 2008, 50]. «Он [праздник Росы] стал одним из символов этнокультурного движения, а также возрождения древней литовской религии» [Trinkūnas 2005, 463]⁶.

⁵ Из разговора с Вероникой Повиленене (15 января 2007 г.).

⁶ Другой этап развития этих праздников — «фольклорную культуру» конца XX в. и смысл-

Как люди узнавали о празднике, можно судить по впечатлениям от путешествия в Кернаве на свой первый праздник Росы постоянного участника последующих праздников (после 1970 г.) фотографа Витаутаса Дарашкявичюса: «Я тогда еще не был связан с настоящим фольклором, работал в Вильнюсском конструкторском бюро <...> Узнал, что там что-то интересное происходит, и поехали мы с сотрудниками — нам грузовик выделили для поездки. Все они были «зеленые», все в первый раз, и очень удивились, что такие интересные вещи творятся. <...> Впечатление такого мистического настроения — оно было другое, чем на праздниках, которые я видел. Перед этим еще в 1969 году я был на горе Рамбинас. Там фестиваль: костер, было привезено много напитков, люди веселились, показывали какую-то самостоятельность... Здесь ничего подобного не было — здесь было спокойствие. Хотя было и веселье, моменты, наполненные песнями и танцами. Эти песни меня сразу захватили...»⁷.

На празднике люди не старались познаться друг с другом, узнать имя стоящего рядом, иногда лишь делились впечатлениями, более близко общались только со своими. Ощущалось своеобразное конспиративное напряжение. Многие помнят, что участники праздника неизвестно откуда собирались и неизвестно как расходились. С другой стороны, люди подчеркивали уют такого совместного пребывания: тем, кто собирался, было хорошо вместе. По словам Виктории Дауэтите, «там чувствовалось, что мы участвуем в чем-то, чего в других местах нет. Нигде больше этого нет, это было единственное такое место»⁸.

Сложенный у основания величественного холма каменный жертвенник, гуляющая по горам ночью группами молодежь, факелы и речи, песни и хоры, каждый год растущее (в 1969 г.

лы, придаваемые календарным праздникам неоязыческими сообществами, — интересно анализирует Эгидия Раманаускайте [Ramanauskaitė 2004].

⁷ Из разговора с В. Дарашкявичюсом (20 мая 2007 г.).

⁸ Из разговора с В. Дауэтите (20 апреля 2007 г.).

было особенно многолюдно) количество участников не могли оставаться незамеченными. Уже в 1970 г. организаторы были предупреждены, чтобы праздник больше не устраивался, а по приезде в Кернаве их вызвали и призвали к дисциплине районные чиновники — «сотрудники милиции, компартии, госбезопасности, службы охраны природы, охраны памятников и т. д.»; было запрещено веселиться после полуночи, обвинения в организации праздника были отправлены на места работы инициаторов [Trinkūnas 2005, 465].

«До третьего праздника <власть> не сориентировалась, что здесь происходит. А уже в 1970—1971 годах праздник проходил нелегально, мы уже не согласовывали... Тогда начались другие вещи — в тот день отменялись рейсы автобусов, траву не косят — оставляют до пояса, “шлагбаумы” на дороге ставят, но нигде не написано, что нельзя. <...> После праздника 1972 года в моем деле уже появилась запись — “организатор националистического собрания”» [Rasos Kernavėje 2007, 75].

В 1970 г. участники праздника Росы в Кернаве были разогнаны, в 1971 г. была закрыта Вильнюсская «Рамува» и организация путешественников краеведческого направления Вильнюсского университета, просуществовавшие легально всего несколько лет. Главные организаторы этой деятельности, попавшие в поле зрения сотрудников госбезопасности, оказались на пороге новых решений. Но «Рамува» Вильнюсского университета сохранила свою активность. Несмотря на разнообразные препятствия, некоторые ее члены и участники походов создали и поддерживали Клуб песен, а в Кернаве люди продолжали и дальше собираться на праздник Росы, и движение «Рамува» распространилось по всей Литве.

Праздники начали подавляться, но они не прерывались и, кажется, не потеряли своей атмосферы. С 1971 г. и позднее праздник начинали песней Майрониса «Литва дорогая», считавшейся вторым гимном Литвы⁹. Именно с того времени праздник Росы, по мнению Йонаса Виткунаса, тогда школьника

⁹ Из разговора с Йонасом Виткунасом (5 июня 2006 г.).

старших классов, приобрел яркий патриотический акцент, атмосферу народного единства: «После 1969 года Роса уже проходила в рамках двух районов, мы шли по холмам, подходили к речке Кернавеле, там — граница Вильнюсского района, такой холмик, родник течет. В границах Ширвинтского района зажигали жертвенник, начинался праздник, мы пели “Литва дорогая” на слова Майрониса. И это был неофициальный гимн праздника. Возможно, он не очень много имеет общего с архаичными традициями праздника, но подчеркивалась связь не только с природой, не только с серединой лета, но и со всей землей, на которой эта роса сверкает. И этот акцент сразу придавал тем, кто собирался, чувство сплоченности»¹⁰.

Когда немного изменилось место праздника и состав его организаторов, эта инициатива не угасла. Кернаве становится местом постоянного притяжения. Переживаемый здесь духовный опыт, чувство единства с природой и всеми собравшимися еще долго считались не менее важными, чем политические заявления: «Организаторы очень старались вести себя сдержанно — я бы сказал, не надо было там ни политизировать, ни митинговать. Само поведение, та духовная атмосфера, которая там царила, говорила обо всем. Тем, кто собирался там, этого хватало. А тем, кому это все было чуждо, там нечего было делать. <...> Для человека, не понимающего смысла этого праздника, это было бы каким-то скучным пением народных песен. Кто уж собирался, те составляли какой-то единый организм, отсюда не хотелось уходить»¹¹. По словам Антанаса Гудялиса, «был период до Росы и после Росы. В Кернаве проходила народная манифестация — после Кернаве пение стало народной манифестацией» [Rasos Kernavėje 2007, 76].

Праздники Росы в Кернаве сохраняли свой дух еще примерно на десяток лет, позднее понемногу стали угасать и опять получили силы накануне движения возрождения Литвы. Думая о праздниках 1980-х гг., вспоминаешь группу каунасцев, уже открыто выражавших стремление к свободе —

¹⁰ Из разговора с Йонасом Виткунасом, Кернаве (5 июня 2007 г.).

¹¹ Там же.

но они держались обособленно¹². В 1987 г. на празднике Росы в Кернаве впервые прозвучал гимн независимой Литвы.

В заключение — последняя оценка праздника из современной перспективы: «Мы находились под большим наблюдением и контролем, как и любое движение, но оно, мне кажется, выполняло намного более важную роль, чем представляется сейчас. Была ориентация на национальные ценности, на существенные, не поверхностные, было настоящее пробуждение. Говоря о молодежи, обо всем нашем поколении, и еще о несколько более младшем, чем мы, — можно сказать, что всех по-настоящему отогрел костер Росы» (В. Багдонавичюс).

Liaudies kultūra, 2007, № 3.

Перевод с литовского М. В. Завьяловой

Литература

Buraskaitė 1997 — *Buraskaitė B. Ka supildė Kernavės Rasa / Užrašė Juozas Šorys // Šiaurės Atėnai, 1997. VI. 21, № 24 (368).*

Daraškevičius 2007 — *Daraškevičius V. Trumpiausios nakties paslaptis. Vilnius, 2007.*

Indronis 1969 — *Indronis A. Rasos šventės // Kraštotyra. Vilnius, 1969. P. 334—335.*

Patackas 1984 — *Patackas. Ethos. Baltų kultūra ir lietuviška savimonė, 1984, самиздат; <http://www.vydija.lt/straipsniai/Rasa%20-%20Patacko.htm>*

Pogrindis virtės pastoge 2008 — *Pogrindis virtės pastoge. Pokalbis su Algirdu Patacku / užrašė Saulė Matulevičienė // Liaudies kultūra. 2008. № 1.*

Pypliuose skamba 1961 — *Pypliuose skamba linksmos dainos // Socialistiniu keliu. 1961.*

Ramanauskaitė 2004 — *Ramanauskaitė E. Subkultūra: fenomenas ir modernumas. Kaunas, 2004.*

Rambynas 1989 — *Rambynas — mūsų istorija // Liaudies kultūra. 1989. Kovas-balandis. P. 18—19.*

Ramuva 1998 — *Ramuva. Baltų tautinės kultūros ir istorijos žurnalas. № 4.*

Rasos Kernavėje 2007 — *Rasos Kernavėje // Liaudies kultūra. 2007. № 3., P. 70—79.*

Trinkūnas 2003 — *Trinkūnas J. Ramuvos pradžios (Jaunimo etnokultūrinis sąjūdis XX a. 7—8 dešimtmetyje) // Lietuvos sociologijos istorijos. Vilnius, 2003. 4 kn. P. 136—149.*

Trinkūnas 2005 — *Trinkūnas J. Romuvių judėjimo pradžia — Kernavėje // Musninkai, Kernavė, čiobiškis, VšĮ «Vermės leidykla». 2005. P. 463—465.*

¹² Из разговора с Йонасом Виткунасом, Кернаве (5 июня 2007 г.).